

Розов В.С.

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Г. Москва

19 АВГ 1983

«В августе исполняется 70 лет известному советскому драматургу Виктору Розову. Нельзя ли напечатать в «КО» интервью или беседу с юбиляром?» — пишет в редакцию читательница-москвичка Евгения Ивановна Лазукина. Наш корреспондент встретился на днях с Виктором Сергеевичем и задал ему несколько вопросов.

— Виктор Сергеевич, всю жизнь отдали драматургии. Какое место, на ваш взгляд, она занимает в искусстве?

— Видите ли, драматургия существует отдельно как род литературы. Но как вид чтения драматургия требует определенной подготовки, потому что нет каких бы то ни было вводных или пояснительных текстов, и приходится особенно внимательно следить за диалогом и авторскими ремарками. В романе, скажем, автор обычно вводит нас в круг проблем весьма постепенно, знакомит с местом действия, с историей персонажей и так далее. В пьесе же все гораздо проще:

«— Ты куда?

— А тебе какое дело? (Уходит)».

Вот и попробуй разберись! Так что пьесы — это не то чтиво, которое читают в метро. А вот когда пьеса поставлена — тогда другое дело, тогда у зрителя складывается целостное, полное впечатление. Чехов сказал как-то, что драма без сцены — это тело без души. Это, безусловно, верно. Почему? Потому что, когда пьеса превращается в спектакль, она становится понятной даже для неграмотного. Вот в чем прелесть! Пьесу как бы читают сразу для тысячи человек. Но здесь взаимоотношения могут быть чрезвычайно сложными... К сожалению, мы зависим от режиссера и от актеров. Хотя, думаю, придет время, когда театр будет главным образом актерским театром.

— Ваша роль, роль автора, завершается с написанием

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Беседа с Виктором Розовым

пьесы или могут быть какие-то поправки в процессе работы над ней в театре?

— Драма всегда имеет два лица — как отдельное художественное произведение и как результат коллективного творчества — и очень часто получает свое завершение в процессе работы над ней в театре. Я столкнулся с этим при постановке первой же моей пьесы много лет назад в Центральном детском театре. Принес пьесу. По тем временам она была «с живинкой», но слабовата, прямо скажем. Я попал в круг людей очень одаренных, талантливых и «доводил» пьесу уже во время репетиционного периода, вносил множество изменений в текст. Пьесы репетируют долго — по полгода, по году. Ту мою первую пьесу — «Ее друзья» — Ольга Ивановна Пыжова и Борис Владимирович Бибииков репетировали что-то около года. Я полгода ходил буквально на каждую репетицию. Репетиции — это прекрасная школа для драматурга. Хотя у меня уже тогда было хорошее театральное образование, я узнал театр изнутри. Думаю, что если мне с моими пьесами везло впоследствии, то это потому, что я писал, зная театр. Ну, вот как Арбузов — он вышел из театра, его пьесы любят играть, потому что он «театральный человек». Вот и я тоже «театральный человек». Драма ведь произведение хитрое. Она рассчитана на то, что ее будут исполнять, а поэтому в драме важно не написать. Да, потому что актер это выразит. Если актер будет это выражать написанными словами, то это пу-

стое — ничего не выйдет! Я столкнулся с этим во время работы над второй своей пьесой. Там была одна находка — входит молодой человек, хочет видеть девушку. И вместо того, чтобы спросить: «Наташа дома?», он смотрит на дверь той комнаты, где может быть Наташа. И сидящий в комнате человек говорит: «Она дома, дома»... Вы видите, я пропустил, я не написал — получилось хорошо.

Ну, секретов нашего дела довольно много, это все приятные секреты, их надо знать.

Итак, пьеса, как правило, рождается в театре, пьесу переделывал Чехов, пьесу переделывал великий Толстой по просьбе Станиславского. Я уж не говорю о том, что все великие драматурги были деятелями театра. Шекспир. Мольер. Их пьесы рождались там. Но, к сожалению, так было раньше...

— А что изменилось сегодня?

— А сегодня мы уже практически не имеем возможности делать «доводку» пьесы во время репетиционного периода, потому что пьеса проходит массу инстанций и только потом может быть принята к работе в театре.

Вот недавно один ответственный работник сказал мне: «Вы знаете, если пьеса будет уже готова, срепетирована, тогда нам придется иметь дело уже не только с автором, но со всем коллективом — с режиссером, с актерами, а это очень трудно». Я говорю — да, но это ведь и есть ваша работа, а вы все трудности сваливаете на одного дра-

матурга. Самое интересное, что он согласился с этим парадоксом. Ах, если бы кто-нибудь взял на себя хоть часть трудностей! Ведь мы все работаем с желанием сделать как можно лучше — актер хочет сделать так, чтобы все кричали: «Ах, как он играет!», режиссер хочет поставить так, чтобы все схватились за головы и воскликнули: «Какой режиссер, боже мой, боже мой, лучше Станиславского и Мейерхольда, вместе взятых!», а драматург хочет написать так, чтобы говорили: «Это второй Шекспир!» Это тоже секреты нашей профессии.

— И наконец, традиционный вопрос...

— ...творческие планы? Я сейчас написал еще две главы книги «Путешествие в разные стороны», над которой работаю вот уже несколько лет и потихоньку печатаю в журналах по главам. Одна глава посвящена памяти моей наставницы Марии Ивановны Бабановой. Это был театральный феномен, я счастлив, что мне довольно много пришлось общаться с нею. И написал главу «Глазами ребенка». Мне было девять лет, когда наступил нэп, и вот я рассказываю о том, что увидел ребенок. Мне кажется — это может быть любопытно...

Скоро, видимо, засяду за новую пьесу или буду писать следующую главу — еще не знаю...

Беседу вел
Александр ХАРЬКОВ.